

С. П. РАМАЗАНОВ

## О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б. Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

---

В статье анализируется опыт общения ученика со своим учителем – ученым, педагогом и человеком. Оценивается вклад Б.Г. Могильницкого в научно-педагогическое и нравственное воспитание своих учеников.

*Ключевые слова:* Учитель, лекции, семинары, методология истории, историография.

---

Борис Георгиевич Могильницкий широко известен отечественной и мировой научной общественности своими монографиями, учебными пособиями и многочисленными статьями по методологии истории, русской и западной историографии. Его анализ специфики исторического познания, социальных функций и принципов исторической науки, прежде всего принципа историзма, тенденций развития исторической мысли конца XIX–XX вв., несомненно, еще долго будет привлекать внимание ученых и студентов. Вместе с тем для тех, кто не был связан с Томским университетом, неизвестной остается другая, не менее весомая, сторона творчества Б.Г. Могильницкого – его педагогическая деятельность. Из педагогической работы во многом выросли его научные труды. Эта работа оказала первостепенное влияние на формирование и упрочение позиций возглавляемой им томской историографической школы, представителем которой ощущаю себя и я.

Немало учеников и коллег Б.Г. Могильницкого имели с ним более длительное и непрерывное общение. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации я покинул Томск в 1982 г., работал на Украине, потом в г. Волжском – спутнике Волгограда. Но, с одной стороны, мои контакты с Борисом Георгиевичем не прерывались, включая посещение его лекций. На них я всегда при малейшей возможности стремился попасть во время поездок в университет и в период работы над докторской диссертацией, и в дни регулярно проводившихся в Томске по инициативе и под руководством Бориса Георгиевича конференций по методологии истории, историографии и источниковедению. С другой стороны, перерывы в общении и пространственно-временная отдаленность часто позволяют глубже и отчетливее осознать то, что не замечаешь в суете повседневной жизни.

Моим научным руководителем Борис Георгиевич стал в сентябре 1971 года, когда в начале третьего курса я с двумя друзьями-

одного группниками, теперь уже докторами наук, работающими в Белоруссии и на Украине А. Нечухриным и С. Сияковым, пришел к Нему – декану историко-филологического факультета (кстати, последнему, ибо в 1974 г. факультет разделился на два самостоятельных). Мы безапелляционно заявили, что желаем работать только под Его началом, а не у назначенного нам согласно расписанию преподавателя. Мы понимали, что навлечем гнев Бориса Георгиевича и потому, что, соглашаясь руководить нами, он, в известной мере, нарушал педагогическую этику, и потому, что он тратил на нас свое драгоценное время. И на самом деле Борис Георгиевич рассердился. Однако Он согласился. Возможно, из-за нашего напора и открытости.

Мы получили темы – о разных аспектах методологических взглядов Г.С. Коммейджера, получили ксерокопии американского издания его книги и начали трудиться над докладами на весеннюю студенческую научную конференцию.

Выступить на таких конференциях было весьма почетно и ответственно. Мы докладывали на заседаниях кафедры в присутствии всех преподавателей во главе с Ним самим. И позднее, уже работая и общаясь с коллегами из других университетов и институтов, я не видел и не слышал, чтобы студенческие конференции были организованы таким образом, когда преподаватели, возглавляемые крупным ученым, не жалеют своего времени, проявляют искреннюю заинтересованность научным поиском студента. Именно поиск, даже связанный с аргументированной критикой столпов науки и классиков марксизма, поощрялся на этих конференциях.

Потом под руководством Бориса Георгиевича у меня была работа над курсовыми, дипломом, кандидатской и докторской диссертациями, наполненная человеческой поддержкой и помощью. И когда Он встал на мою защиту на партбюро факультета, разбиравшего мой доклад пятикурсника о соотношении ценностного подхода и партийности, содержащий положение о большей широте аксиологического отношения к прошлому по сравнению с партийной точкой зрения, и когда благодаря Борису Георгиевичу мне, проживавшему в 1995 г. по воле судьбы в другом государстве – на Украине, – удалось организовать защиту докторской диссертации в Томском университете.

Он учил бережному и аккуратному отношению к слову (например, будучи студентом, я вставил в свою работу показавшуюся мне красивой цитату «неокантианская методология - альфа и омега всей буржуазной историографии» – Борис Георгиевич просто указал, что это не так);

прививал навыки тщательного отношения к историографическим источникам: известны случаи, когда Борис Георгиевич кропотливо проверял ссылки в курсовых и дипломах нерадивых студентов. Но, пожалуй, самое главное, чему учил Борис Георгиевич, – мыслить. Нам, Его ученикам, запомнилась фраза Бориса Георгиевича при первой встрече с Ним как научным руководителем: «Ходите и думайте!».

По мере моего научного взросления расширялось и неформальное общение с Борисом Георгиевичем – я открывал ценителя юмора и хорошего анекдота, театра и литературы, знатока истории, человека, болезненно переживающего драматические повороты в жизни своей страны. Борис Георгиевич всегда был внимательным слушателем, открытым иному мнению, в том числе по близким ему научным вопросам. Вместе с тем Его мысли иногда заставляли изменить направление и структуру работы, способствовали тем самым обогащению ее содержания и усилению доказательности.

В беседах с Борисом Георгиевичем касались мы и работы преподавателя вуза. Как-то в начале 1990-х гг., когда я сам уже приобрел определенный опыт лектора вуза, мы говорили о том, каким критериям должна отвечать вузовская лекция. Оценивая наших университетских преподавателей, я критиковал одного из них за то, что, увлекшись рассказом о методике собственных научных исследований, он оставил незавершенным свой курс. На что Борис Георгиевич резонно возразил, что он раскрыл через читаемые лекции свою личность и что это – самое важное для преподавателя высшей школы.

С лекции самого Бориса Георгиевича началось мое знакомство с историко-филологическим факультетом Томского университета весной 1969-го г. на «дне открытых дверей». С Его лекции «Что такое история?» долгое время открывалась учеба в университете для историков-первокурсников. Личность Бориса Георгиевича через Его лекции оставила глубокий и плодотворный след у нескольких тысяч выпускников Томского университета.

В университете нас учили преподаватели, лекции которых отличались большей однозначно-прозрачной логикой, которые обладали большим ораторским искусством. Некоторым студентам лекции Бориса Георгиевича казались монотонными. В Его лекциях не было той методической строгости, связанной с требованиями постановки цели и задач, завершенности темы в отводимые академические часы.

Однозначности никогда не было в лекциях Бориса Георгиевича. Еще меньше ее стало в 1990-е годы. Но в них было то, что заставляло

студентов задуматься. Этому способствовала манера спокойного рассуждения, не навязывания своей точки зрения посредством восполнения пробелов в аргументации силой эмоциональной окраски речи, а убеждения слушателей системой доказательств, допускающей возможность уточнения своей позиции в процессе дискуссии с аудиторией. При этом на лекциях Бориса Георгиевича на размышления наталкивали не отдельные примеры, как у иных преподавателей, а целостное содержание его курсов, в своем итоге вполне завершенное.

С началом процесса «перестройки» интерес научной общественности страны и студентов к методологическим и историографическим вопросам исторической науки заметно упал. Однако в советское время лекции Бориса Георгиевича по методологии исторического познания и историографии всеобщей истории были подлинной интеллектуальной отдушиной в насаждаемой атмосфере схематизма и догматизма в преподавании гуманитарных наук.

Лекции Бориса Георгиевича по историографии никогда не являлись собой простого перечисления названий книг, которое обычно отталкивает студентов от подобного преподнесения историографии как специальной исторической дисциплины. Его лекции демонстрировали биение исторической мысли, которого так недоставало марксистской исторической науке. При этом, выявляя противоречия в воззрениях историков, Он всегда стремился показать внутреннюю логику построений ученых.

Историографический подход пронизывал и лекции Бориса Георгиевича по методологии истории. И широкое знакомство слушателей с разнообразием выдвинутых мировой исторической мыслью принципов и методов постижения прошлого человеческого общества подтачивало веру в марксистскую теорию как единственную и стоящую вне критики. Лекции Бориса Георгиевича дышали современностью и демонстрировали связь развития исторической науки и методологии истории с социально-политической жизнью общества. Безусловно, до середины 1980-х годов было невозможно, оставаясь преподавателем советского вуза, отказаться от положения о роли принципа партийности как базового в познании прошлого. И партийный подход, проявлявшийся в стремлении определить заинтересованность той или иной общественной группы в определенной интерпретации прошлого, выявить место дворянской и буржуазной историографии в исторической мысли XVIII–XIX вв., присутствовал в курсах Бориса Георгиевича.

Но, во-первых, проводимый Борисом Георгиевичем партийный подход был далек от примитивизма. Из Его уст студенты никогда не

слышали распространенного в советское время вплоть до Московского университета выражения «буржуазные фальсификаторы». Напротив, слушателям прививалась мысль о том, что к «буржуазным» ученым нельзя относиться как к недоумкам и поголовно врагам. Студенты проникались чувством пиетета перед крупными представителями западной историографии – А. Токвилем, Я. Буркхардтом, И. Дройзенем, А. Тойнби, М. Блоком, Ф. Броделем.

Во-вторых, связывая принцип партийности с коренными классовыми интересами пролетариата, Борис Георгиевич подчеркивал, что такие интересы необходимо определять на научно-теоретическом уровне, а не черпать из партийных документов.

Пожалуй, Борису Георгиевичу была присуща известная осторожность в суждениях, проявлявшаяся и на лекциях, и – особенно – в его научных трудах. Однако за этой осторожностью стояли взвешенность и основательность настоящего ученого, не способного в угоду конъюнктуре моментально менять свои позиции.

В отличие от многих отечественных историков, перевернувших свои теоретико-методологические позиции в девяностые годы, Борис Георгиевич не изменил уважительного отношения к марксизму как этапу развития исторической мысли, в известной мере обогатившему теорию исторического познания. Постоянно уточняя свои позиции, Борис Георгиевич продолжал отстаивать идею о существовании специфической исторической закономерности, хотя такая идея и переросла у него в концепцию альтернативности исторического процесса. И доньше Он надеется на способность исторической науки реализовать прогнозирующую функцию, искренне радуясь каждому сбывшемуся прогнозу своих коллег. Несмотря на потрясения и неурядицы современной действительности, Борис Георгиевич сохраняет гносеологический и социальный оптимизм, на который как на позитивную черту во взглядах западных и русских историков Он всегда обращал внимание на своих лекциях.

Вместе со своей студенческой группой я прослушал двухсеместровый спецкурс Бориса Георгиевича по теоретико-методологическим проблемам истории и три семестровых курса по истории западноевропейской исторической мысли: «Античная и средневековая историография», «Западноевропейская историческая мысль эпохи Просвещения», «Историческая мысль Западной Европы XIX в.».

В дальнейшем преподавательские интересы Бориса Георгиевича постепенно смещались к исследованию все более близкой к нам исторической мысли.

Борис Георгиевич расширяет чтение курса по западноевропейской историографии XIX века до двух семестров, читает специальный курс по немецкому историзму, наконец, в 1980 г. разрабатывает небольшой курс, состоящий из пяти лекций о тенденциях развития западноевропейской исторической мысли двадцатого века. С течением времени спецкурс по историографии XX века вытеснил у Бориса Георгиевича все другие курсы, расширившись до трехсеместрового. В итоге этот спецкурс воплотился в трехтомное издание «История исторической мысли XX века. Курс лекций» (Томск, 2001–2008).

Картина развития историографии, представленная Б.Г. Могильницким, значительно расширялась и углублялась. В историографический оборот была включена и американская, и русская историческая мысль. А анализ кризиса исторической науки стал предпосылкой для всестороннего исследования историографической революции второй половины XX века.

Нарисованная в трехтомнике картина, конечно, может быть дополнена другими деталями. Как-то на своей лекции, приводя пример «идеального типа» Макса Вебера, Борис Георгиевич сослался на собственный курс лекций. Вместе с тем, «идеально-типический» курс Бориса Георгиевича, раскрывающий подлинное биение исторической мысли, ее искание плодотворных новаторских идей, отличающийся оригинальностью и глубиной концептуального осмысления ее развития, – не имеет равного в отечественной историографии.

Борис Георгиевич продолжает свое исследование тенденций развития исторической мысли. Он работает над томом о XVIII веке. Здоровья Вам, Борис Георгиевич, довести Ваше издание до истоков исторического знания в античной Европе.

*Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор; зав. кафедрой истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета); ramasergej@gmail.com*